

чены чертами, делающими их качественно новыми явлениями, на основании чего мы имеем полное право говорить о «русском барокко», «русском классицизме», «русском сентиментализме» и т. д.⁸

Вот почему сводить все происходившее в литературном развитии XVIII в. в России только к понятию «европеизации» было бы не совсем правильно. Следует, по-видимому, говорить о постепенном и неуклонном обретении русской литературой таких структурно-содержательных свойств, которые превращали ее в носительницу ценностей общечеловеческого значения. XVIII в. как раз и представлял собой такой период, когда шаг за шагом содержание духовной жизни нации постепенно включалось в процесс общеевропейского культурного развития, чтобы в XIX в. в творчестве таких писателей, как Достоевский и Толстой, обозначить в известном смысле рубеж развития всей мировой литературы.

Вехи этого включения русской литературы в общеевропейский процесс развития и должны, по нашему мнению, служить основными показателями границ отдельных периодов, из которых складывается общая картина периодизации. Если же говорить непосредственно о принципе, регулирующем ее содержательные параметры, то он видится в смене художественных систем эстетического освоения мира в той же последовательности, в которой они переживались в Европе на протяжении XVI—XVIII вв. Эстетические критерии периодизации исходят из тех изменений характера и способов художественного постижения духовной природы человека, какие переживает литература. Смена литературных направлений и фиксирует эти изменения.

Все вышесказанное позволяет выделить в развитии русской литературы XVIII в. 3 основных периода, различающихся вполне определенной спецификой художественного сознания и обуславливаемых ею стилевых и жанровых форм.

I период, охватывающий 1700-е—начало 1730-х гг., по традиции принято называть «Петровским временем». Хотя в подобном определении не раскрывается своеобразие его художественного лица, но приуроченность данного периода ко времени царствования Петра I помогает по-своему понять особую неповторимую роль проводившихся в 1-й трети столетия преобразований для всего последующего развития национальной культуры.

В этот переломный период завершается начавшаяся еще в XVII в. переоценка средневековых канонов мышления и создаются предпосылки новой, чисто светской культуры, ориентированной на восприятие идеологических постулатов раннего европейского Просвещения.

Идейный пафос литературы этого периода составляет защита и пропаганда политики Петра I, его реформаторских начинаний. Отсюда проистекает публицистичность, пронизывающая все наи-

⁸ О своеобразии художественной природы русского классицизма XVIII в. нам уже приходилось говорить. См.: История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 513—522.